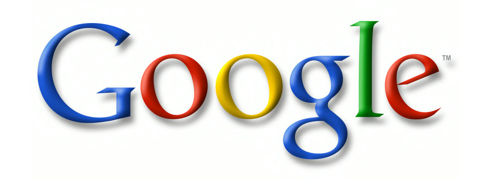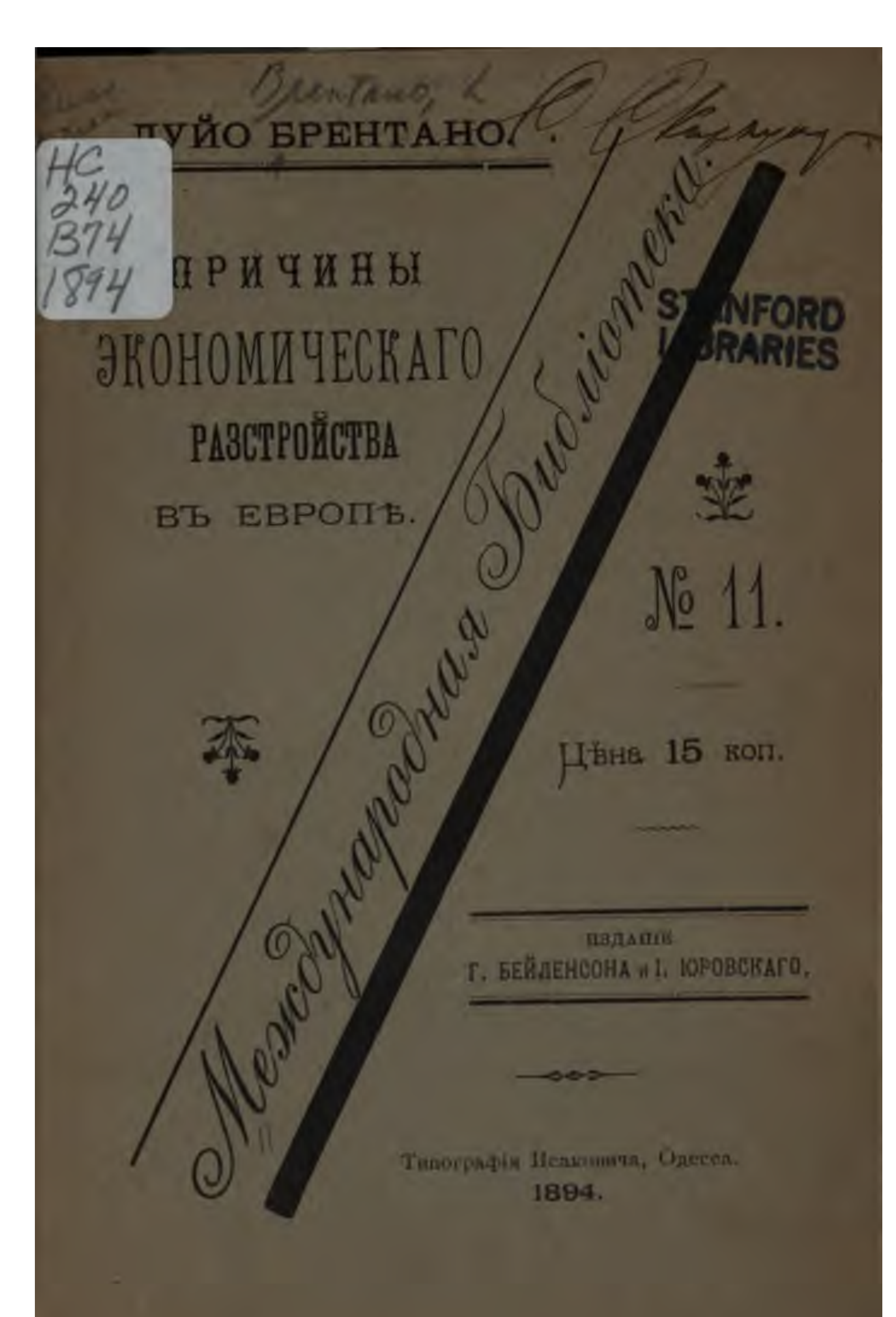

ЛУЙО БРЕНТАНО.

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗСТРОЙСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

Международная Библіотека.

№ 11.

Цѣна 15 коп.

ИЗДАНІЕ
Г. БЕЙЛЕНСОНА и І. ЮРОВСКАГО.

Типографія Исаковича, Одесса.
1894.

Международная Библiотека.

№ 11.

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗСТРОЙСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

РѢЧЬ ПРОФЕССОРА

ЛУЙО БРЕНТАНО.

1889.

ОДЕССА.
Тип. Исаковича, уг. Гаванной и Дерибасовской, с. д. № 10.
1894.

Дозволено цензурою. Одесса, 15-го января 1894 г.

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗСТРОЙСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

рѣчь профес. **Луйо Брентано***).

Каковы причины современнаго экономическаго разстройства?

Абстрактная политическая экономія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ изслѣдованіемъ экономическихъ понятій. Обыкновенно всѣ начинаютъ съ понятія цѣнности, но при этомъ разныя школы держатся различныхъ путей.

Одни оставляютъ въ сторонѣ дѣйствительность. Они формулируютъ понятія такимъ образомъ, что тѣ соотвѣтствуютъ не фактамъ, а идеаламъ, которые изъ нихъ-же должны быть выведены. Такъ поступаютъ Карлъ Марксъ и Родбертусъ. Послѣдній прямо сознается, что его положеніе: цѣнность какого-либо блага равна труду, затраченному на его производство,—не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; такъ оно только должно было-бы быть. Затѣмъ противорѣчіе между дѣйствительностью и вытекающими изъ такого опредѣленія цѣнности постулатами для распредѣленія благъ и выставляется основной причиной всѣхъ соціальныхъ золъ.

Иначе оперируетъ другая абстрактная школа. Она правильно опредѣляетъ понятіе цѣнности, ко-

*) Мы опускаемъ нѣсколько вводныхъ страницъ, имѣющихъ лишь мѣстный и личный интересъ.

торое страдало при вышеуказанныхъ постулатахъ. Она указываетъ, что цѣнность не равна количеству труда, затраченнаго на производство и что поэтому несправедливо было-бы считать собственностью рабочаго весь продуктъ его труда.

Но тутъ эта школа и останавливается. Право рабочаго на весь продуктъ его труда опровергнуто, и школа рѣшаетъ, что слѣдовательно, все въ этомъ мірѣ въ порядкѣ, что нѣтъ въ немъ незаслуженной нужды.

Ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній нельзя согласиться.

Мы должны быть скромнѣе первой школы: нельзя распоряжаться жизнью такъ, какъ она это дѣлаетъ; нельзя въ основу опредѣленія понятій класть постулаты, которые изъ нихъ-же желательно вывести; нельзя и стремиться къ идеаламъ, переходящимъ предѣлы возможнаго. При установленіи понятій надо твердо держаться дѣйствительности; надо быть довольнымъ, если удастся создать матеріальныя условія, при которыхъ возможно культурное существованіе для всѣхъ.

Вообще я думаю, что мы вовсе не нуждаемся въ контрастѣ съ какимъ-либо идеаломъ для того, чтобы сознать неудовлетворительность окружающаго. И вотъ почему, думается мнѣ, нельзя согласиться и со второй школой. Нельзя игнорировать того факта, что развитіе промышленности свело въ отдѣльные центры такія массы неимущихъ, о какихъ раньше не имѣли и понятія. Законодательство объявило ихъ свободными; — что-же означаетъ эта свобода? Она означаетъ здѣсь не только правовую

независимость отъ другихъ; она означаетъ также и экономическую изолированность, при которой каждый предоставленъ самому себѣ. И именно эта то изолированность и превратила полученную юридическую свободу въ фактическую экономическую зависимость, на основаніи которой значительно развилась затѣмъ зависимость личная, соціальная и политическая. Но эта зависимость не есть еще самое худшее изъ получившихся золъ, да и уничтоженіе ея не представляетъ чего либо невозможнаго. Гораздо опаснѣе та необезпеченность существованія, какая тяготѣетъ надъ массами и какая постигла ихъ, какъ только онѣ были предоставлены самимъ себѣ. Онѣ не всегда могутъ добыть себѣ средства существованія, даже соглашаясь на всѣ условія, связанныя съ зависимостью. Правда, въ Германіи задумываютъ теперь обширный планъ законодательства о страхованіи, которымъ хотятъ устранить необезпеченность, вызываемую неспособностью къ труду; но все же наше промышленное развитіе по прежнему будетъ связано съ переходами отъ процвѣтанія къ упадку и кризисамъ; эти кризисы по прежнему будутъ внезапно выбрасывать на улицу цѣлую массу рабочихъ, не находящихъ занятія и тѣмъ самымъ усиливать и экономическую и личную зависимость занятыхъ рабочихъ; польза рабочихъ все-же будетъ большимъ вопросомъ и ежегодно тысячи рабочихъ будутъ поступать въ ряды бѣдняковъ, нуждающихся въ общественной благотворительности. Такъ возникла нищета массъ, препятствующая культурному существованію отдѣльныхъ индивидуумовъ, тормозящая государственное разви-

тіе и угрожающая всему общественному строю. Въ виду такихъ явленій трудно понять логику второй школы, которая думаетъ, что съ такими опасностями можно бороться новыми формулировками старыхъ истинъ, новыми опредѣленіями процента и указаніями на то, что различіе въ доходности земельныхъ участковъ, а слѣдовательно, и земельная рента должна будетъ существовать и въ соціалистическомъ государствѣ.

Итакъ, оба абстрактныхъ направленія, и индивидуалистическое и соціалистичеткое, неудовлетворительны. Совершенно по другому пути идетъ историческая школа. За причинами нашей нужды она обращается къ самой жизни и ея экономическимъ явленіямъ. Жизнь показываетъ ей, что описанная нужда появилась вмѣстѣ съ разложеніемъ стараго ремесленнаго строя; поэтому историческая школа прежде всего спрашиваетъ, что вызвало это явленіе.

На этотъ вопросъ есть два отвѣта. Оба содержатъ много вѣрнаго, но оба односторонни и ни одинъ изъ нихъ не указываетъ на основныя причины переворота.

Существуетъ отвѣтъ консервативно-юридическій. Его даютъ прежде всего laudatores temporis acti, затѣмъ тѣ, кто приступалъ къ вопросу съ исключительно юридической подготовкой.

Для нихъ главной причиной переворота и вызванныхъ имъ печальныхъ послѣдствій для рабочаго является отмѣна прежняго ремесленнаго права.

Въ этомъ отвѣтѣ совершенно правильно указывается, что переворотъ въ промышленности не

могъ наступить безъ нарушенія постановленій стараго ремесленнаго права и что такое нарушеніе принесло рабочимъ много вреда.

Но въ немъ заключаются двѣ ошибки:

Во 1-хъ, съ нимъ соединяютъ представленіе, будто постановленія стараго ремесленнаго права, касавшіяся рабочихъ, были идеальны. Но не говоря уже о прочемъ, это право отнимало у большинства рабочихъ возможность самостоятельнаго занятія ремесломъ, что вызывало рядъ бѣдственныхъ послѣдствій и служило однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ рукахъ тѣхъ, кто стремился къ уничтоженію стараго ремесленнаго права.

Затѣмъ, по этому взгляду выходитъ, будто нарушеніе постановленій стараго права было слѣдствіемъ одной лишь человѣческой злобы, будто развитіе могло продолжаться и вообще безъ такого нарушенія и будто вообще возможно было не нарушать стараго ремесленнаго права. Этотъ взглядъ совершенно не указываетъ на основныя причины дѣлавшія невозможнымъ сохраненіе стараго ремесленнаго строя.

Второй отвѣтъ я назвалъ-бы соціалъ-демократически-техническимъ. Не потому, что онъ исходитъ отъ соціалъ-демократовъ. Наоборотъ, онъ прежде всего былъ развитъ строго консервативнымъ приверженцемъ старины и настоящаго, англійскимъ фабричнымъ врачемъ, Госкеллемъ. Затѣмъ уже имъ воспользовались, черезъ Ф. Энгельса, и соціалъ-демократы. Высшее научное обоснванія и совершеннѣйшее развитіе придалъ ему Марксъ въ своихъ, мѣстами блестящихъ, мо

логическихъ изысканіяхъ относительно формъ промышленнаго производства. И между тѣмъ какъ Марксово ученіе о цѣнности не имѣетъ теперь ни одного приверженца въ ученыхъ кругахъ, его ученіе объ основныхъ причинахъ переворота въ экономической организаціи нашло себѣ массу сторонниковъ.

По этому взгляду, для хозяйственной организаціи и ея измѣненій, имѣютъ значеніе исключительно только техническая организація процесса производства и перемѣны въ ней. Госкелль и Энгельсъ исходятъ изъ домашняго хозяйства, которое они представляютъ себѣ настоящей идилліей. Въ 18-мъ вѣкѣ техническія изобрѣтенія повели къ примѣненію машинъ, къ концентраціи производства на фабрикахъ, къ разложенію стараго ремесленнаго строя и всѣмъ сопровождавшимъ его бѣдствіямъ. Марксъ, наоборотъ, прекрасно понимаетъ, что многія слѣдствія, которыя считаютъ слѣдствіями фабричной системы, существовали уже въ началѣ 18-го вѣка, задолго до изобрѣтенія машинъ. Его взглядъ гораздо глубже. Между ремесленной и домашней формой, промышленной организаціей и фабричной организаціей, онъ знаетъ еще промежуточную ступень: мануфактурную форму. Ремесленная форма и то домашнее производство, которымъ занимается отецъ семьи вмѣстѣ съ другими членами ея за собственный счетъ, стоятъ, по мнѣнію Маркса, технически и экономически на одинаковой ступени развитія. Совсѣмъ иначе смотритъ онъ на мануфактуру, безразлично, ведется-ли при этомъ производство различными семьями дома за чужой счетъ, или-же большимъ числомъ рабочихъ въ общей мастер-

ской. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ кооперацію или планомѣрное соединеніе труда многихъ лицъ въ одномъ и томъ-же процессѣ производства, точно такъ-же, какъ и планомѣрное раздѣленіе труда въ предѣлахъ одного промысла. Это привело къ перевороту въ техникѣ производства, а здѣсь-то, говоритъ Марксъ, и заключается уже причина коренной перемѣны въ старомъ ремесленномъ строѣ. Здѣсь-то, по его словамъ, и начинается то, что онъ называетъ капиталистическимъ строемъ производства: не потому хозяинъ распоряжается рабочими, что онъ руководитъ производствомъ, но онъ руководитъ производствомъ потому, что обладаетъ капиталомъ, необходимымъ для соединенія многихъ рабочихъ силъ въ одномъ процессѣ производства. Отсюда ведетъ начало, по его мнѣнію, эксплуатація рабочаго: рабочій получаетъ въ видѣ заработной платы не весь продуктъ своего труда, а лишь столько, сколько ему необходимо для поддержанія своего существованія.

И въ этомъ взглядѣ есть доля справедливаго: несомнѣнно, что съ введеніемъ кооперацін и раздѣленіемъ труда въ предѣлахъ одного промысла мануфактура заняла мѣсто ремесленной мастерской, а съ введеніемъ машинъ фабрика вытѣснила мануфактуры. Совершенно справедливо: измѣненіе въ формѣ промышленности неизбѣжно должно было явиться вслѣдъ за измѣненіемъ въ технической организаціи производства. Несомнѣнно также, что каждое изъ этихъ измѣненій тяжело должно было отразиться на рабочихъ.

Но и это мнѣніе ошибочно въ двухъ отношеніяхъ.

Невѣрно, во-первыхъ, будто то, что Марксъ называетъ эксплоатаціей чужаго труда, появилось лишь вмѣстѣ съ капиталистическимъ строемъ производства, и даже болѣе, будто появленіе его связано со введеніемъ кооперацiи и раздѣленія труда въ мануфактурахъ.

Въ настоящее время рабочій нигдѣ не получаетъ всей цѣнности продукта, для производства котораго пользуется ими работодатель; онъ получаетъ лишь цѣнность своего труда, который работодатель соединяетъ въ процессѣ производства съ другими факторами производства для полученія новаго продукта. Если это означаетъ эксплуатацію, то такая эксплуатація практиковалась съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только человѣкъ началъ работать. Вся разница только въ томъ, что прежнія законодательства искусственно понижали цѣну труда, принципы-же нашего хозяйственнаго строя исключаютъ всякое пониженіе цѣны труда путемъ права и закона.

Дѣло въ томъ, что Марксъ жестоко заблуждается, когда говоритъ о „независимомъ ремесленникѣ“, какъ о юридическомъ предшественникѣ современнаго ремесленнаго рабочаго. Юридическимъ предшественникомъ его были подмастерье ремесленнаго строя, батракъ средневѣковаго цеха, а предшественникомъ этого послѣдняго былъ крѣпостной (Hörige) помѣщичьяго двора. Точно такъ-же юридическимъ предшественникомъ современнаго сельскаго поденщика былъ не независимый крестьянинъ, *а зависимый*, обязанный службой и повинностями *земельному собственнику* за предоставленный ему

послѣднимъ земельный участокъ. И,—какъ разсказываетъ Тацитъ о древнихъ германцахъ, а новѣйшая этнологія устанавливаетъ для народовъ, стоящихъ на столь-же низкой степени культуры,—даже при началѣ нашей хозяйственной исторіи, въ коммунистической племенной организаціи, даже и тамъ земля обрабатывалась не свободными, а военноплѣнными рабами, женщинами и стариками; а до того какъ изъ семьи развилось племя, на всю семью и главу ея работали низшіе члены ея. Рабочій, слѣдовательно, ни въ какую эпоху не получалъ всего продукта своего труда, и совершенно правильно, потому что въ противномъ случаѣ онъ получалъ-бы болѣе, чѣмъ ему слѣдуетъ. А слѣдуетъ ему только вознагражденіе за его трудъ. Наоборотъ, продуктъ и по справедливости, и фактически всегда принадлежалъ тому, кто соединялъ трудъ съ другими факторами производства въ новомъ продуктѣ. Рабочій только тамъ могъ получать продуктъ, гдѣ онъ самъ бралъ на себя такое соединеніе. Но въ этомъ случаѣ онъ получалъ его не какъ рабочій, а какъ самостоятельный предприниматель. Какъ рабочій, онъ никогда не получалъ больше эквивалента того, что онъ дѣйствительно внесъ въ производство, эквивалента своего труда. Но прежде-то именно онъ и не получалъ всегда полнаго эквивалента своего труда. Его доля юридически устанавливалась подъ вліяніемъ отношеній господина къ крѣпостному и устанавливалась въ сильной степени въ пользу господина. Тутъ дѣйствительно была эксплуатація. Въ особенности-же такимъ временемъ

эксплуатацiи была эпоха „независимаго ремесленнаго производства“.

Но Марксъ подъ „независимымъ ремесленникомъ“ подразумѣваетъ, очевидно какого-нибудь ткача въ мелкомъ мѣстечкѣ, работающаго безъ подмастерьевъ и ведущаго скудное существованiе, а не зажиточнаго ремесленника большихъ центровъ промышленной жизни. Онъ игнорируетъ поэтому одно обстоятельство: уже въ то самое время, какъ мануфактура начинаетъ вытѣснять ремесленное производство въ Англiи и отчасти въ Германiи, насколько послѣдняя продолжала экспортъ послѣ переворота въ мiровой торговлѣ, тогда уже, начиная съ 16-го в., во многихъ нѣмецкихъ городахъ право на независимое ремесленное производство начинаетъ связываться съ владѣнiемъ домами. Такимъ образомъ уже въ эпоху ремесленнаго производства капиталъ захватываетъ въ свои руки владычество надъ процессомъ производства. Уже съ этого времени не потому рабочiе и въ ремесленномъ производствѣ подчиняются волѣ работодателя, что онъ является руководителемъ въ процессѣ производства, но съ этихъ поръ уже мастеръ становится промышленнымъ владыкой потому, что онъ капиталистъ. А развѣ-же кто-нибудь станетъ утверждать, что и это начало капиталистическаго производства было слѣдствiемъ перемѣнъ въ технической организацiи процесса производства?

Независимо отъ такого противорѣчiя социалъ-демократически-техническаго воззрѣнiя съ исторiей и жизнью, оно ошибочно еще и въ другомъ отношенiи. *И оно, подобно* консервативно-юридическо-

му воззрѣнію, совершенно не выясняетъ основныхъ, первыхъ причинъ переворота.

Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что оно правильно; предположимъ, что измѣненія въ техникѣ процесса труда дѣйствительно суть единственный факторъ, обусловливающій промышленную организацію и перемѣны въ ней. Все-таки для насъ остается неразъясненнымъ вопросъ, откуда въ 16-мъ в. внезапно появились въ промышленности кооперація и раздѣленіе труда, поставившія на мѣсто ремесленныхъ мастерскихъ мануфактуры, откуда въ въ 18-мъ в. внезапно взялись изобрѣтенія, вытѣснившія мануфактуры и замѣнившія ихъ фабриками, отчего всѣ эти техническія улучшенія не наступили уже раньше?

Никто вѣдь не скажетъ: кооперація и раздѣленіе труда не могли быть введены раньше потому, что раньше не было еще накоплено достаточно капитала, необходимаго для единовременнаго соединенія и занятія многихъ рабочихъ въ одномъ предпріятіи. Вѣдь въ то самое время, какъ англійскій капиталъ производитъ техническія улучшенія и создаетъ мануфактуры, въ Германіи не менѣе крупный капиталъ почти весь занятъ ремесломъ и, большей частью, стремится къ установленію замкнутости цеховъ и даже къ зависимости права на ремесло отъ владѣнія недвижимостью.

Точно также нельзя думать, что разбираемыя изобрѣтенія не были сдѣланы раньше потому, что наука еще недостаточно была развита. Это предполагало-бы, что изобрѣтенія сдѣланы людьми науки, *наприм.*, математиками. Но на дѣлѣ этого нигдѣ не

было. Изобрѣтенія, вызвавшія переворотъ въ техникѣ сдѣланы были людьми, совершенно незнакомыми съ естественными науками. Гаргривъ, изобрѣтатель Дженни, былъ ткачъ; Аркрайтъ, изобрѣтатель прядильнаго станка, былъ цирюльникъ; Картрайтъ, изобрѣтатель механическаго ткацкаго станка, былъ сельскій священникъ.

Мы вправѣ поэтому спросить, что вызвало вдругъ въ 18-мъ вѣкѣ эти изобрѣтенія, откуда въ 16-мъ вѣкѣ внезапно берется планомѣрное проведеніе кооперацiи и раздѣленія труда въ англійской промышленности, каковы были причины всѣхъ этихъ перемѣнъ въ техникѣ? Слѣдовательно, и соціалъ-демократически-техническое объясненіе обращаетъ вниманіе только на второстепенныя явленія, которыя, правда, прежде всего бросаются въ глаза, благодаря огромному своему вліянію, но которыя ошибочно было-бы считать основной причиной переворота въ промышленности.

Итакъ, передъ нами два отвѣта на нашъ вопросъ о причинахъ разложенія стараго строя промышленности, одинъ — консервативно-юридическій, другой — соціалъ-демократически-техническій. Оба вѣрно указываютъ на нѣкоторые симптомы наступившихъ измѣненій. Оба оставляютъ невыясненной истинную причину; оба, далѣе, сходятся между собой въ томъ, что считаютъ причиной переворота не экономическія измѣненія. Одинъ ищетъ причины на юридической почвѣ, другой—на технической.

А между тѣмъ, отвѣтъ на нашъ вопросъ можетъ быть найденъ прежде всего и главнымъ образомъ на почвѣ политической экономіи.

Причиной измѣненія формы промышленности было измѣненіе въ условіяхъ сбыта и обмѣна.

Средневѣковый ремесленникъ работалъ, главнымъ образомъ, для мѣстнаго рынка. При существовавшихъ тогда условіяхъ передвиженія и юридическихъ порядкахъ, потребности этого рынка легко было опредѣлить и легко было защитить его. Гдѣ промышленность достигла наибольшаго процвѣтанія, тамъ, конечно, ремесленное производство имѣло въ виду и сбытъ на чужбинѣ, и послѣднійто и былъ основой его процвѣтанія. Эта торговля покоилась, главнымъ образомъ, на привилегіяхъ, которыя граждане извѣстныхъ городовъ получили отъ иноземныхъ властителей. Такія привилегіи были дарованы нѣмецкимъ купцамъ англійскими государями. И здѣсь, слѣдовательно, приходилось имѣть дѣло съ обезпеченнымъ рынкомъ на которомъ не было конкурренціи даже со стороны мало развитой туземной промышленности.

Что-же выходило? Средневѣковый купецъ былъ монополистъ и могъ диктовать цѣны на свои товары. Если товаръ былъ хорошъ, можно было достигнуть цѣнъ, далеко превосходившихъ стоимость производства. Поэтому купецъ могъ дорого платить и мастеру, а послѣдній спокойно переносилъ дороговизну производства, связанную съ цеховымъ строемъ промышленности.

Дѣло радикально измѣнилось, когда выступило на сцену новое государство, которое для достиженія своихъ цѣлей обратилось къ т. наз. меркантильной системѣ.

Первой заботой его было удовлетворять всѣмъ туземнымъ потребностямъ туземнымъ-же производствомъ. Для этого уничтожены были всѣ привилегіи, дарованныя иностраннымъ купцамъ. Вторая забота направлена была на вывозъ возможно большаго количества собственныхъ продуктовъ за границу. Вслѣдствіе этого, освященная давностью и привилегіями регулированная торговля на замкнутыхъ рынкахъ замѣнилась ожесточенной конкурренціей на міровомъ рынкѣ. Чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, необходимо было стремиться къ возможному удешевленію производства и къ массовому производству; далѣе, необходимо было уменьшить рискъ кризисовъ, вызванныхъ теперь общимъ столкновеніемъ на міровомъ рынкѣ, необозримомъ и зависящимъ отъ смѣнъ міра и войны.

Такія условія несовмѣстимы были со старымъ ремесленнымъ строемъ.

Прежде всего здѣсь требовалась дешевизна труда—отсюда массовой наемъ учениковъ, наемъ женщинъ, все вещи запрещенныя старымъ строемъ. Далѣе, чѣмъ большій капиталъ помѣщался въ предпріятіи, тѣмъ сильнѣе была потребность переложить рискъ на чужія плечи путемъ роспуска рабочихъ—отсюда исчезновеніе долгосрочныхъ договоровъ и даже самыя вопіющія злоупотребленія.

Слѣдствіе этого таково: старый ремесленный строй разрушается, разрушается самыми членами цеховъ, крупными работодателями, вызывающими къ жизни новую форму промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не дѣйствуетъ старый порядокъ.

Такова причина появленія мануфактуръ въ Англіи въ началѣ 16-го в., быть можетъ, уже въ концѣ 15-го вѣка, и причина ихъ быстраго распространенія. Таково и происхожденіе домашней мануфактуры въ Германіи въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ мы находимъ ее уже въ 16-мъ вѣкѣ.

Поэтому-же, далѣе, усиленіе конкурренціи вызываетъ у всѣхъ близко стоящихъ къ промышленности лихорадочное стремленіе уменьшить стоимость производства путемъ изобрѣтеній, и этимъ-то и объясняются всѣ указанныя изобрѣтенія Гаргрива, Аркрайта и Картрайта.

Итакъ, причиною переворота было чисто экономическое явленіе. Переворотъ въ техникѣ и измѣненіе промышленнаго права сами были слѣдствіемъ предшествовавшаго имъ промышленнаго измѣненія, а не наоборотъ; и эта экономическая причина лежитъ въ области торговой политики, въ появленіи міроваго хозяйства и вступленіи отдѣльныхъ отраслей промышленности въ борьбу за первенство на рынкѣ этого мироваго хозяйства. Если когда-либо будетъ написана исторія происхожденія міроваго рынка, то она должна будетъ показать какъ указанныя измѣненія промышленнаго строя водворились въ каждой отрасли промышленности настолько, насколько она вовлечена была въ міровой оборотъ.

Но то-же измѣненіе условій сбыта, которое въ Англіи вызвало появленіе мануфактуры, въ Германіи, большей частью, вело къ увеличенію замкнутости, къ полной недоступности цеховъ и къ дальнѣйшему развитію капиталистическаго характера

ремесла. Уничтоженіе иностранныхъ торговыхъ привилегій отняло у нѣмецкой промышленности одну часть его заграничнаго сбыта, другую отняло у нея измѣненіе въ ходѣ міровой торговли, послѣдовавшее за открытіемъ Америки и морскаго пути въ Ость-Индію. Къ тому-же въ Германіи не было національной центральной власти, которая въ состояніи была-бы озаботиться о новыхъ рынкахъ для сбыта; вмѣсто этого внутреннія войны вели къ еще большему упадку. Тогда beati possidentes падающихъ городовъ стали стараться удержать за собой, по крайней мѣрѣ, мѣстный рынокъ путемъ вышеупомянутыхъ цеховыхъ мѣропріятій. Слѣдовательно, гдѣ развитіе было противоположно англійскому, тамъ это объясняется самымъ простымъ образомъ противоположными условіями труда.

Къ чему, однако, эта поправка къ общераспространеннымъ воззрѣніямъ? Не изъ антикварской-ли мелочности? Таковая была-бы здѣсь неумѣстна. Но дѣло въ томъ, что вовлеченіе промышленности на міровой рынокъ, которое мы считаемъ первой причиной современной экономической неурядицы, была не только первой, но и послѣдней причиной ея. Не только потому, что вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжно должно было появиться неутомимое стремленіе къ уменьшенію стоимости производства; не только потому, что вмѣстѣ съ этимъ начались кризисы въ сбытѣ съ ихъ послѣдствіями, уничтоженіемъ капитала и безработицей; не только потому, что послѣ этого неизбѣжно стало уже паденіе стараго ремесленнаго строя, но еще и потому, что вовлеченіе промышленности на міровой рынокъ еще и въ настоящее время

служитъ главнымъ препятствіемъ, мѣшающимъ энергическому улучшенію положенія рабочихъ, и причиной появленія труднѣйшей проблемы соціальнаго вопроса, именно задачи привести производство различныхъ странъ въ соотвѣтствіе съ колеблющейся потребностью рынка.

Очень характерно и въ то-же время странно, что Марксъ нигдѣ не упоминаетъ объ этой зависимости новѣйшей промышленности отъ міроваго рынка; и даже болѣе, онъ переставляетъ причинную связь между ними и говоритъ, что крупная промышленность создала міровой рынокъ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ.

Это очень характерно: потому что его теорія вездѣ забываетъ вліяніе недостаточнаго спроса на хозяйственную жизнь. Какъ его ученіе о цѣнности считаетъ чѣмъ-то само собой разумѣющимся, что продуктъ, на производство котораго затраченъ трудъ, всегда встрѣтитъ потребности, которыя онъ долженъ удовлетворить, и, слѣдовательно, имѣетъ потребительную цѣнность in concreto,—такъ и его морфологія промышленности знаетъ, самое большее, вліяніе возрастанія потребностей на строй промышленной жизни; но она совершенно игнорируетъ вліяніе относительнаго регресса или недостатка спроса. Но если возрастаніе потребностей и возбуждаетъ надежду на большую выгоду и потому всегда дѣйствуетъ благотворно на ускореніе развитія, то, съ другой стороны, страхъ раззоренія въ случаѣ недостатка спроса былъ еще болѣе сильной побудительной причиной, заставлявшей стремиться къ болѣе выгоднымъ формамъ производства. Это яснѣе

всего доказывается противоположностью въ развитіи сельскаго хозяйства и промышленности. Какъ показалъ Тюненъ, въ сельскомъ хозяйствѣ условіемъ перехода отъ экстенсивной полевой системы къ интенсивной является возрастаніе спроса и возвышеніе цѣны, связанныя съ естественной монополіей рынка; въ промышленности переходъ отъ ремесла къ мануфактурѣ и отъ мануфактуры къ фабричному производству вызывается прогрессивнымъ расширеніемъ рынка и вытекающимъ изъ этого паденіемъ цѣнъ и опасеніемъ упадка спроса.

Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ этотъ переходъ совершается, какъ извѣстно, гораздо медленнѣе, чѣмъ въ промышленности, даже при наличности необходимыхъ для него условій. Хотя интенсивное хозяйство уже давно было-бы выгоднѣе, все-же для многихъ одна надежда на большую выгоду является еще недостаточнымъ побужденіемъ для оставленія экстенсивной полевой системы; наоборотъ, въ промышленности паденіе цѣнъ стираетъ съ лица земли всѣхъ, кто не переходитъ къ болѣе выгодной формѣ производства, сдѣлавшейся возможной. Вотъ почему. въ промышленности экстенсивныя формы производства удерживаются только тамъ, гдѣ мѣстная монопольность обезпечиваетъ сравнительно высокія цѣны, какъ напр., при починкахъ или передѣлкахъ, или-же тамъ, гдѣ издержки экстенсивнаго производства почему-либо необычайно малы, какъ наприм., заработная плата во многихъ видахъ кустарной промышленности.

Но съ другой стороны такое игнорированіе *вліянія не*достаточнаго спроса въ марксовской мор-

фологіи и очень странно: потому что какъ разъ вызываемые недостаткомъ спроса кризисы играютъ наиболѣе важную роль какъ въ соціалъ-демократическихъ описаніяхъ вліянія современной экономической организаціи, такъ и при обосновапіи соціалъ-демократическихъ требованій.

Вѣдь какъ только промышленность въ значительной мѣрѣ захвачена была въ водоворотъ міроваго хозяйства, такъ сейчасъ-же большая трудность обозрѣнія рынка стала вызывать относительное перепроизводство и затрудненіе въ сбытѣ. Вслѣдъ за этимъ внезапно появляется сильное паденіе цѣнъ и кредита, и наступаетъ кризисъ, т.-е. рѣшительный моментъ, показывающій, какой работодатель стоитъ еще на ногахъ и какой падаетъ, какой рабочій имѣетъ еще работу и какой остался безъ хлѣба. До сихъ поръ такіе кризисы повторялись съ приблизительно правильной періодичностью. Въ прошломъ столѣтіи кризисами отмѣчены были годы: 1753, 1763, 1772 или 1773, 1783 и 1893. Въ нашемъ столѣтіи кризисы были въ 1815, 1825, 1836—9, 1857, 1866 и 1873 гг. Но эти кризисы постоянно усиливались, какъ въ интенсивности, такъ и въ продолжительности, и послѣ паденія цѣнъ на міровомъ рынкѣ въ 70-хъ годахъ производство находится въ цивилизованныхъ странахъ въ состояніи хроническаго недомоганія.

Нельзя отрицать, что всѣ выставленныя до сихъ поръ политической экономіей ученія о кризисахъ и средствахъ ихъ предотвращенія оказались практически неудовлетворительными. Максъ Виртъ заканчиваетъ свою книгу о торговыхъ кризисахъ

утѣшеніемъ, что кризисамъ подвержены только цивилизованныя страны; другіе утѣшаютъ себя тѣмъ, что при кризисахъ раззоряющихся предпринимателей постигаетъ лишь заслуженное наказаніе за неумѣлое пользованіе факторами производства. Наконецъ, третьи видятъ въ кризисахъ лишь слѣдствія недостаточной зрѣлости производства, которыя сами собой исчезнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ и накопленіемъ опыта, съ улучшеніемъ системы собиранія экономическихъ свѣдѣній и большей гласностью. Я самъ считалъ прежде такіе кризисы въ сбытѣ неизбѣжно связанными съ индивидуальностью потребленія и полагалъ возможнымъ, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, смягчить проистекающій отъ нихъ вредъ для рабочаго класса путемъ страхованія отъ кризисовъ, подобнаго страхованію отъ безработицы англійскихъ рабочихъ союзовъ.

Однако, для массъ, страдавшихъ отъ кризисовъ, такое утвержденіе о связи ихъ съ нашей цивилизаціей, было не утѣшеніемъ, а аргументомъ противъ этой цивилизаціи. Противъ заслуженнаго наказанія, постигающаго недальновидныхъ предпринимателей, нельзя было, конечно, возразить ничего; но оно не могло утѣшить невинныхъ, вовлеченныхъ въ пучину вмѣстѣ съ виновными. Обманчивость надежды на исчезновеніе кризисовъ вмѣстѣ съ накопленіемъ опыта и усовершенствованіемъ экономической статистики должна была быть признана даже упорнѣйшими оптимистами, когда все усиливающіеся въ интенсивности и продолжительности кризисы показали, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ юношескими шалостями производства, а съ неизлечимымъ періоди-

ческимъ помѣщательствомъ. А угнетенность мірового рынка, начавшаяся уже болѣе 15 лѣтъ назадъ и все еще не изчезающая, показала, что страхованіе англійскихъ рабочихъ союзовъ отъ безработицы, правда, помогаетъ временно рабочимъ бороться съ кризисами, подобными прежнимъ, но что оно совершенно недостаточно при столь обширныхъ по размѣрамъ и продолжительныхъ кризисахъ, какъ настоящій послѣдній. Въ Англіи рабочій, которому платятъ 35 шиллинговъ въ недѣлю, въ среднемъ зарабатываетъ въ годъ менѣе 20 шил. въ недѣлю вслѣдствіе частой безработицы; иными словами изъ 52 недѣль въ году рабочіе заняты менѣе 30; остальные-же 22 недѣли и болѣе они не находятъ работы. И вслѣдствіе увеличивающихся издержекъ на поддержку безработныхъ, расходы крупныхъ англійскихъ рабочихъ союзовъ увеличились въ періодъ угнетенія до такой степени, что превосходятъ теперь ординарные доходы и могутъ быть покрыты только при помощи капитала, собраннаго въ предущіе годы!

Итакъ, всѣ предложенныя до сихъ поръ политико-экономами мѣры спасенія оказались недостаточными. Съ другой стороны, требованіе соціалъ-демократовъ и государственныхъ соціалистовъ, которые указываютъ на огосударствленіе всѣхъ орудій производства и на планомѣрное регулированіе производства со стороны центральной власти, является прямо утопическимъ. При этомъ, какъ и во всѣхъ затронутыхъ уже ученіяхъ соціалъ-демократовъ, игнорируется зависимость нашей промышленности отъ мірового рынка. Необходимымъ предпо-

ложеніемъ для осуществленія такого идеала было-бы государство, въ которомъ производятся всѣ продукты, необходимые для удовлетворенія потребностей его гражданъ, и наоборотъ, всѣ произведенные продукты находятъ себѣ сбытъ, т.-е. замкнутое торговое государство. Въ такомъ государствѣ можно было приноровить производство къ заранѣе точно опредѣленной и квалитативно и квантитативно потребности и такимъ образомъ предотвратить перепроизводство, отсутствіе спроса и кризисы. Однако, по даннымъ Нейманна-Спалларта, въ 1885 г. различныя государства, участвующія въ міровой торговлѣ, купили другъ у друга товаровъ приблизительно на 15 милльярдовъ рублей; вывозъ одной Германіи въ послѣдніе годы достигаетъ почти 3-хъ милльярдовъ ежегодно. Всѣ эти милльярды производства, предназначеннаго для вывоза, были-бы обречены на гибель съ осуществленіемъ соціалистическаго экономическаго идеала. Но такъ какъ густая населенность европейскихъ промышленныхъ странъ и мыслима только при экспортѣ продуктовъ, достигающемъ такихъ милльярдовъ, то, очевидно, осуществленіе требуемаго планомѣрнаго производства и возможно было-бы только тогда, когда исчезли-бы всѣ государственныя и національныя особенности, когда одно государство обнимало-бы всѣхъ людей и планомѣрное регулированіе производства распространялось-бы на весь земной шаръ. И дѣйствительно, Родбертусъ понимаетъ связь своего постулата съ идеей міроваго государства. Осуществленія своего экономическаго идеала онъ ожидаетъ *только* въ „періодъ единаго организованнаго

человѣческаго общества“, которое онъ называетъ „будущимъ завершеніемъ историческаго развитія въ ряду соціальныхъ образованій“.

Такимъ образомъ это средство къ устраненію или смягченію нашей соціальной нужды отлагается однимъ изъ важнѣйшихъ его представителей до такого отдаленнаго времени, что здравый разсудокъ не дозволяетъ долѣе останавливаться на немъ.

Гдѣ-же искать спасенія?

Если не въ ученіяхъ теоретиковъ, то, быть можетъ, въ самой жизни.

Пока теоретики разнообразныхъ направленій ломали головы надъ безплодными проектами, практическія потребности выработали въ жизни новообразованіе, которое также преслѣдуетъ устраненіе кризисовъ и ихъ послѣдствій: именно, картелли. Что подъ этимъ подразумѣвается? Конечно, я не говорю здѣсь о коалиціяхъ, подобныхъ рухнувшему недавно при всеобщемъ негодованіи мѣдному синдикату; въ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ рискованными шахматными ходами и эгоистической тактикой спекулянтовъ, т.-е. людей, покупающихъ исключительно для перепродажи. Ихъ отношеніе къ картеллямъ таково-же, какъ отношеніе спекуляціи къ производству. Картелли суть союзы производителей, которые стараются планомѣрно приноравливать производство къ спросу, съ цѣлью избѣжать перепроизводства и всѣхъ сопровождающихъ его послѣдствій: паденія цѣнъ, банкротствъ, обезцѣненія капитала, безработицы и голодовокъ.

Эти картелли вовсе не зарождаются въ послѣдніе только годы. Уже въ теченіи нѣсколькихъ де-

сятилѣтій вслѣдъ за перепроизводствомъ вмѣстѣ съ паденіемъ спроса дѣлались болѣе или менѣе неудачныя попытки образованія картеллей, которыя затѣмъ снова распадались съ повышеніемъ цѣнъ. Это были воздушные зонты, которыми пользовалось черезчуръ далеко залетѣвшее производство, чтобы снова упасть на землю, предохранительные клапаны, къ которымъ прибѣгали въ эпохи кризисовъ сколько-нибудь сохранившіеся элементы, чтобы, въ свою очередь, не быть ввергнутымъ въ пропасть.

Но пока въ общемъ производство шло къ повышенію, эти явленія привлекали лишь временное, преходящее вниманіе. Только послѣ упадка, въ которомъ уже болѣе 15 лѣтъ пребываетъ народное хозяйство цивилизованныхъ странъ, эти картелли выступаютъ на первый планъ; въ особенности-же въ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ отрасляхъ промышленности въ Германіи они достигли такого техническаго совершенства, которое должно возбуждать удивленіе. Основная идея ихъ такова: національнымъ отраслямъ промышленности долженъ быть обезпеченъ сбытъ по цѣнамъ, допускающимъ ихъ существованіе. Поэтому цѣны устанавливаются по уговору на высотѣ, допускаемой таможенными пошлинами. Чтобы предотвратить пониженіе этихъ цѣнъ туземной конкурренціи, объемъ сбыта каждаго предпріятія заранѣе устанавливается въ соотвѣтствіи съ размѣрами его производительной способности. Для того же, чтобы предотвратить нарушеніе уговора, для этого тамъ, гдѣ организація достигла наибольшаго совершенства, отдѣльныя фирмы, принадлежащія къ союзу, совершенно отказываются

отъ права самостоятельной продажи и поручаютъ одному общему представительству продажу всего своего продукта, какъ внутри страны, такъ и заграницу. Такимъ образомъ отдѣльныя фабрики почти перестаютъ быть самостоятельными предпріятіями; онѣ почти что становятся мастерскими одного общаго предпріятія.

Эта организація очень сильно напоминаетъ планомѣрное регулированіе производства, проектируемое соціалъ-демократами и государственными соціалистами. Она отличается отъ него тѣмъ, что удерживаетъ два основныхъ условія современной организаціи народнаго хозяйства, безъ которыхъ всякое измѣненіе нашей экономической жизни будетъ утопіей.

При картелизаціи отраслей промышленности эгоистическій интересъ производителей и производство за собственный ихъ счетъ, по прежнему, остается основой экономической организаціи. Производство не ввѣряется оплачиваемымъ чиновникамъ. При этомъ нѣтъ, слѣдовательно, опасности, что народное хозяйство, благодаря рутинѣ, подвержено будетъ такимъ-же или еще худшимъ бѣдствіямъ, чѣмъ въ настоящее время. Ни производство за собственный счетъ, ни конкурренція не устраняются. Но только конкурренція направляется на другія цѣли. Между тѣмъ какъ раньше она стремилась опередить другихъ техническими усовершенствованіями и улучшеніями производства, разорить другихъ и расширить собственное дѣло до того, чтобы занимать господствующее положеніе на рынкѣ, — здѣсь сопернику гарантируется даже его дальнѣйшее

существованіе и конкурренція стремится увеличить разницу между установленной цѣной и индивидуальными издержками производства, т.-е. прибыль.

Затѣмъ и другой основной элементъ нашей экономической организаціи, именно: связь туземной промышленности съ міровымъ хозяйствомъ принимается во вниманіе въ такой мѣрѣ, какая способна охранить жизненныя условія той части населенія, которая зависитъ отъ вывоза. Именно, цѣны устанавливаются въ опредѣленныхъ защитительными пошлинами границахъ настолько высоко, чтобы общія издержки производства цѣликомъ покрывались однимъ туземнымъ сбытомъ. Слѣдовательно, вывозимые продукты должны покрывать только тѣ издержки, которыя вызваны излишнимъ сырымъ матерьяломъ и заработной платой, уплоченной спеціально за его обработку. И такимъ образомъ, туземная промышленность дѣлается способной къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ при всякихъ обстоятельствахъ.

Благодаря такой организаціи картелли достигаютъ своей цѣли. Туземной промышленности обезпечивается рынокъ, достаточный для постояннаго сбыта по подходящимъ цѣнамъ. Подобно перепроизводству, избѣгается и слѣдствіе его, кризисъ въ сбытѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется и главное препятствіе къ энергическому улучшенію положенія рабочаго класса, хотя туземная промышленность по-прежнему остается въ области міроваго хозяйства. Съ обезпеченіемъ противъ внутренней и внѣшней конкурренціи падаетъ всякое возраженіе противъ такой высоты заработной платы, при какой можно

жить. Прежде-же всего уничтожена будетъ необходимость разсчитывать рабочихъ вслѣдствіе недостатка заказовъ. Небольшія колебанія въ промышленности будутъ парализоваться удлиненіемъ или укороченіемъ рабочаго дня. Такимъ образомъ, у каждаго предпріятія будетъ свой, постоянный кругъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ резервной арміей безработныхъ исчезнетъ и пагубное давленіе, оказываемое существованіемъ ея на условія труда занятыхъ рабочихъ; не будетъ болѣе и опасности, что кризисы сдѣлаютъ безполезнымъ или недостаточнымъ страхованіе рабочихъ. Тогда только и станетъ вообще возможнымъ страхованіе на случай старости, переходящее за предѣлы обыкновеннаго вспомоществованія бѣднымъ.

Но съ такимъ развитіемъ, несомнѣнно, связаны и значительныя опасности, которыя требуютъ серьезнѣйшаго вниманія правительства и законодательства.

Во 1-хъ, коалиція предпринимателей можетъ воспользоваться своей монополіей на туземномъ рынкѣ для давленія на публику. Однако, какъ разъ сами защитительныя пошлины, необходимыя для картеллей, даютъ государству въ руки дѣйствительнѣйшее средство противъ этого. Достаточно будетъ одной серьезной угрозы пониженіемъ пошлинъ, чтобы исчезли всѣ злоупотребленія.

Вторая опасность, вытекающая изъ развитія картеллей, угрожаетъ рабочимъ. Если картельная система и обезпечиваетъ рабочихъ отъ потери работы вслѣдствіе недостатка, то съ другой стороны, тѣмъ страшнѣе станетъ для нихъ опасность быть отпущенными изъ-за разногласій съ работодателемъ,

когда всѣ предпріятія, въ которыхъ онъ могъ-бы найти работу, будутъ соединены въ одинъ союзъ. Вотъ почему, чѣмъ болѣе будутъ развиваться картелли, тѣмъ неизбѣжнѣе будетъ становиться законодательство ради защиты рабочихъ и регулированіе условій рабочаго договора посредническими камерами.

Опасности эти, слѣдовательно, не неустранимы.

Предположимъ на минуту, что онѣ устранены, и обратимся въ заключеніе снова назадъ.

Мы видѣли въ началѣ двѣ школы, которыя, при всемъ своемъ различіи, обѣ разсматриваютъ народно-хозяйственные вопросы абстрактнымъ путемъ.

Одна исходитъ изъ опредѣленія цѣнности и выводитъ изъ него постулаты, которые мы признали утопическими. Другая опровергаетъ ошибочное ученіе первой о цѣнности, но близка къ заключенію, что вмѣстѣ съ этимъ опроверженіемъ доказано уже и совершенство современнаго экономическаго строя.

Къ сожалѣнію, опроверженіе ошибочныхъ ученій соціалъ-демократовъ не устраняетъ еще современной соціальной нужды; и если мы, подражая естествоиспытателямъ, обратимся къ изслѣдованію причины, вызвавшей эту нужду въ дѣйствительности, то мы увидимъ, что она не имѣетъ ничего общаго со всѣми разсужденіями о понятіяхъ, составляющими душу названныхъ абстрактныхъ теорій. Какъ мы указали, первой и послѣдней причиной всего была необезпеченность экономической жизни, появившаяся вмѣстѣ съ зависимостью всякаго производства отъ міроваго рынка, которая стала необходимой на извѣстной ступени развитія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, идя за конкретными явленіями мы нашли и средство спасенія. Пока политико-экономы тратили время на составленіе неудовлетворительныхъ, а соціалисты—утопическихъ плановъ, это средство само собой стало развиваться изъ потребностей жизни. При своемъ первомъ появленіи оно не стремилось къ новой величественной организаціи экономической жизни. Цѣлью его было лишь удовлетворить ближайшей потребности дня и оно исчезло вмѣстѣ съ послѣдней. Когда-же вызвавшія эти потребности обстоятельства сдѣлались долговѣчными, то и это средство пріобрѣло долговѣчность. Слѣдовательно и здѣсь, подъ вліяніемъ продолжительныхъ перемѣнъ въ условіяхъ сбыта, готовятся измѣненія въ экономической организаціи. Вмѣстѣ съ наступленіемъ регресса въ народномъ хозяйствѣ цивилизованнаго міра, вызваннаго примѣненіемъ съ 70-хъ годовъ условій сбыта начинаютъ развиваться органы защиты, подобные тѣмъ, съ помощью которыхъ въ 16 и 17 вѣкахъ думали удержаться нѣмецкіе промышленники, когда Германія потеряла главенство въ міровой торговлѣ вслѣдствіе измѣненій въ условіяхъ сбыта. Эти органы защиты вызываютъ къ себѣ сильную вражду со стороны доктринеровъ всѣхъ направленій, какъ индивидуалистовъ, такъ и соціалистовъ. Но, вопреки послѣднимъ, изъ нихъ развивается новая организація народнаго хозяйства, которая и возможна на практикѣ и обѣщаетъ устранить основное зло современнаго экономическаго строя, необезпеченность существованія, сохраняя въ то-же время всѣ необходимыя предположенія этого строя.

Не показываетъ-ли это намъ, что задача теоріи не повелѣвать жизнью, а лишь наблюдать ее, чтобы подслушать у нея ея принципы развитія и направлять ее сообразно этимъ принципамъ? И не показываетъ-ли это намъ снова, какъ велика заслуга Вильгельма Рошнера, сдѣлавшаго эту задачу программой исторической школы политической экономіи.

Будемъ-же вѣрны этой программѣ! Пусть презираютъ насъ тѣ, кто видитъ свою задачу въ консеквентномъ проведеніи извѣстныхъ принциповъ. За то намъ, быть можетъ, удастся дѣйствительно послужить наукѣ, отечеству и человѣчеству.

